

На самом деле, простых людей очень легко подкупить: если правитель не проявляет жестокости и не притесняет народ, у повстанческих армий не будет причин для формирования. Но если кто-то из внешней родни императора решит узурпировать трон, то непременно найдутся народные силы, желающие восстановить прежнюю династию.

Лю Синь сидел за столом, небрежно вывел несколько иероглифов и добавил:

— На самом деле Ван Ман тоже порядком устал. И я говорю не о том, сколько сил он вложил в стремление к власти. Даже если он взойдет на трон, рано или поздно он все равно погибнет от мечей повстанцев.

Дун Сянь, сидевший рядом, дослушал Лю Синя и отозвался:

— Даже если так, с тех пор как Великий Предок основал Великую Хань, престол принадлежит роду Лю. Если же в этот ряд вклинится фамилия Ван, разве не станут потомки потешаться над нами?

Лю Синь повернул голову к Дун Сяню. Каждое движение и каждое слово того были пропитаны соблазнительной грацией, от которой хотелось немедленно подхватить его на руки, унести на ложе и осыпать ласками.

— Я хочу знать, сколько раз ты был с другими, выполняя поручения Ван Мана?

Как только эти слова сорвались с губ, лицо Дун Сяня помрачнело. Поняв, что ляпнул лишнее, Лю Синь тут же притянул его к себе и украл поцелуй:

— Не сердись. Я лишь хочу знать, чтобы потом тебя отмыть. Впрочем, не отвечай, если не хочешь. Рано или поздно я вытравлю с тебя запах любого другого человека.

Дун Сянь сохранял холодность и ответил:

— Я поселился в поместье Ван еще ребенком и с тех пор служил ему верой и правдой. Как ты думаешь, сколько раз это было?

Мелкие стычки и ссоры случались часто, но подчас притворство в них перерастало в нечто большее. Услышав ответ, Лю Синь с силой смахнул все со стола, прижал Дун Сяня к столешнице и прорычал:

— Тогда с этой минуты ты забудешь о Ван Мане!

— Я о нем и не вспоминал, это ты завел разговор.

Упрямый нрав Дун Сяня Лю Синь узнал еще в первый день знакомства. Он считал, что может сохранять невозмутимость в любых обстоятельствах, но стоило дело коснуться Дун Сяня, как один его взгляд или слово мгновенно разжигали в нем гнев.

Лю Синь дернул его на себя, переплел свои пальцы с его. Комнату тут же наполнила густая атмосфера двусмысленности. Ощущая жаркие поцелуи на шее и плечах, Дун Сянь запрокинул голову, отдаваясь во власть опьяняющего наслаждения.

Вдруг его чуткое ухо уловило едва заметную дрожь звука. Дун Сянь сохранял невозмутимость, но слух у него был отменный: сквозь тяжелое дыхание доносилось приглушенное воркование голубя за окном. Голубь? Неужели задание?

Он не удержался и бросил взгляд на окно. Сердце кольнуло, словно иглой, и Дун Сянь крепче обнял Лю Синя. Ничего не поделаешь. Кроме Ван Мана, никто в этом мире не мог спасти его невестку. Разве мог он, ослепленный чувствами, забыть о той, что его вырастила?

Хотя взгляд был мимолетным, Лю Синь все заметил. Он резко обернулся.

— Всего лишь голубь. Боишься, что он нам помешает? — Лю Синь отпустил Дун Сяня и подошел к окну. Под карнизом действительно сидел серый голубь.

Дун Сянь промолчал, и Лю Синь, не желая продолжать ласки, взял книгу и сел в стороне.

Ночью все вокруг затихло, казалось, само мироздание погрузилось в сон, но если прислушаться, можно было различить тихий рокот.

«Гу-гу, гу-гу...» Обычно почтовые голуби были белыми. Голуби Ван Мана имели серые крылья по простой причине: чтобы не привлекать внимания.

Убедившись, что Лю Синь уснул, Дун Сянь осторожно выбрался из постели и оделся. Он не подсыпал Лю Синю зелья, но был уверен в его глубоком сне: перед сном они выпили несколько кувшинов выдержанного вина.

Лю Синь был по сути своей еще большим ребенком. Дун Сянь прекрасно знал характер, который тот демонстрировал в общении с ним, и сегодня он, как обычно, хотел взять над ним верх.

«Но я заранее принял отвар от похмелья. Разве ты мне соперник?»

Затянув пояс с мягким кнутом, Дун Сянь обернулся. В лунном свете лицо Лю Синя казалось красивым и безмятежным, а в чертах проступала легкая властность. В душе Дун Сяня пробежала рябь, но он заставил себя успокоиться. Глубоко вздохнув, он метнулся к окну и выпрыгнул наружу. Его искусство легкости было безупречно: в ночной тишине он двигался подобно вспышке белого света, не издавая ни звука, лишь рассекая воздух порывами ветра.

Воркование то приближалось, то удалялось, пока наконец не вернулось к покоям Лю Синя. Дун Сянь взмыл вверх и легко приземлился на крышу. Белые одежды распустились в воздухе,

словно цветок. Дун Сянь схватил пролетавшую мимо тень — в его ладони оказался голубь. Движение было резким, но бесшумным.

Он уже хотел развязать записку на лапке птицы, как вдруг под ногой качнулась черепица. Здесь спал Лю Синь: упав она на землю, он бы проснулся, а то и поднял бы на ноги стражу. Черепица уже летела вниз, когда из пустоты раздался короткий хлесткий звук: мягкий кнут вылетел из рук Дун Сяня, обвил обломок в паре футов от земли, сделал пару витков и швырнул его в далекое рукотворное озеро. Владеть кнутом с таким мастерством, будто у оружия есть собственные глаза, было делом не из легких.

Все обошлось. Дун Сянь медленно свернул кнут. Развернув записку, он увидел восемь изящных иероглифов: «В пятнадцатую ночь уничтожить всех до единого».

Сердце Дун Сяня дрогнуло. Пятнадцатое число... это день, когда Ван Чжэнцзюнь пригласила его и Лю Синя любоваться луной. Ван Ман задумал в этот день покончить с обоими разом.

Хотя он знал, что Ван Ман не брезгует никакими средствами, он не ожидал, что тот не пощадит даже родную тетюшку. Ван Ман всегда был осторожен, и если принял такое решение, значит, либо услышал какие-то слухи, либо уже начал сомневаться в нем и решил устроить проверку.

Но что толку осознавать проверку? Его невестка в руках Ван Мана. Даже если путь ведет в море огня, он обязан идти, не оглядываясь.

Несмотря на решимость, Дун Сянь не удержался от вздоха. Взмахнув рукой, он бросил записку в фонарь, и она сгорела. Вернувшись в комнату, он некоторое время молча смотрел на спящего Лю Синя и прошептал:

— Я не убью тебя.

— Как ты можешь желать моей смерти? — раздался низкий мужской голос от изголовья.

Если бы в комнате горел свет, Дун Сянь обязательно бы обернулся и увидел бы, что его собственное лицо выражает полное изумление. Лю Синь выпил столько вина, как он мог проснуться?

— Не бойся, я только что проснулся.

Эти небрежно брошенные слова заставили сердце Дун Сяня подскочить к горлу. Как бы он теперь ни оправдывался, надетый поверх одежды халат выдавал его с головой.

— Я выпил то вино, голова немного закружилась, выходил подышать воздухом, — это было самое нелепое оправдание, но другого выхода не было.

— Я верю тебе, — Лю Синь приподнялся, и его улыбка была улыбкой правителя, видящего всех насквозь.

— Почему? — Дун Сянь не удержался от глупого вопроса. Его сердце вновь глубоко вздрогнуло. Он снял верхнюю одежду и сел рядом. Лю Синь не ответил, лишь прильнул к губам Дун Сяня. В тихом вздохе, вырвавшемся из его губ, заключался самый лучший ответ.

Поцелуй был полон печали. Последовавшая за этим нежность приглушила внутреннюю борьбу, но не смогла стереть чувство неизбежной, фатальной связи, соединившей их в этой жизни.

Во Дворце Юйян высадили несчетное количество камелий. Их корни Лю Синь приказал доставить из Юньяна быстрыми гонцами, и уже при посадке на кустах красовались цветы. Дун Сянь прогуливался среди благоухающего цветочного моря.

Подул прохладный ветерок, и розовые лепестки закружились вокруг него с изяществом танцоров.

— Глупый! Я с детства скитался вдали от родных мест, откуда мне помнить запах камелий? — Дун Сянь обратился к цветам, чувствуя отсутствие Лю Синя рядом. На его родине камелии росли в изобилии — яркие и ароматные.

Но с самого рождения он видел лишь эпидемии, от которых не было спасения, бегущих от голода людей и трагедии разрушенных семей... Дун Сянь не хотел вспоминать о доме. Там были только трупы и руины, и он не помнил, цвели ли там вообще камелии. Юньян оставил в его памяти лишь кошмары детства.

В богатом и процветающем Городе Чанъань не было ни голода, ни болезней, но за это приходилось платить душой. Дун Сянь протянул руки. В лучах солнца его тонкие пальцы целовали летящие лепестки. На тыльной стороне ладони проступали изящные косточки. Что за рука, если нет в ней костей?

В смутное время вдове вырастить ребенка — задача не из легких, а ведь он даже не был родным сыном Дун Юйлань. По правде говоря, он был лишь племянником ее покойного мужа, между ними не было никакой кровной связи.

Родители дали жизнь, но воспитавшая его невестка была ближе всех на свете. Дун Сянь не помнил лиц отца и матери, не помнил лица старшего брата, единственным, что он хранил в сердце, была благодарность к ней.

Он сжал пальцы, и в ладони кольнуло. Лю Синь был по-настоящему удивительным человеком. Дун Сянь каждый день упражнялся с ним в каллиграфии, писал сочинения, слушал, как тот декламирует стихи, смотрел на его фехтование — то похожий на ребенка, то пылкий, как огонь. Гора, высившаяся в его сердце, начала рушиться в присутствии Лю Синя.

Дун Сянь часто напоминал себе, кто он такой. Он шпион. Шпион, как убийца или наемник, не должен иметь чувств. Стоит появиться этому роскошному и смертоносному дару, как все

выходит из-под контроля.

— Что же делать? — с тоской подумал он. Больше всего в жизни он ненавидел необходимость выбора.

Кто-то похлопал его по плечу. Будь это Лю Синь, он бы непременно притянул его в объятия. Рука на плече не давила, но в ней чувствовалась глубокая внутренняя сила. Тонкие, длинные пальцы — и гадать не нужно, кто это. Дун Сянь немедленно обернулся и поклонился:

— Ваше Величество, почему вы не велели доложить о своем приходе?

— На дворе начало зимы, а во Дворце Юйян весна в самом разгаре. Разве мог я позволить кому-то громко объявлять о моем прибытии и нарушить эту идиллию? — Ван Ман, одетый в золотистый шелковый халат, ослеплял своим видом. Он прищурился: — Мой самый способный чиновник Дун, с каких это пор ты стал таким сентиментальным? Это Лю Синь так суров с тобой или, наоборот, слишком добр?

Ван Ман резко дернул его за правую руку, закатал рукав и обнажил на запястье страшный шрам от меча.

— Я лишил тебя боевых искусств лишь для того, чтобы тебе было легче подобраться к Лю Синю. Ты не винишь меня?

— Ваше мастерство фехтования безупречно, вы попали точно в цель. Я лишь выполняю ваш приказ, разве могу я жаловаться? — слова были краткими, тщательно выверенными.

Объяснение — это оправдание, а оправдание — это признание факта. Дун Сянь не стал лукавить и прямо посмотрел в глаза собеседнику. Ван Ман по-прежнему улыбался своей полуулыбкой, но в самой его сути сквозила мягкая, женственная жестокость, от которой по спине бежал холодок.

Ван Ман отпустил его руку:

— Ты получил мою записку?

— Вы хотите, чтобы я устранил их всех пятнадцатого числа следующего месяца?

— Верно, — холодно ответил Ван Ман. — Этот мальчишка Лю Юйнь в последнее время зачастил к императрице-матери, боюсь, он хочет использовать ее влияние, чтобы взойти на трон. В конце концов, Хань все еще носит фамилию Лю. Даже если Ван Чжэнцзюнь благоволит мне, разве позволят все чиновники так легко занять престол представителю внешней родни?

Тетушка даже не догадывалась, что главной ее ошибкой в жизни было вовлечение такого «демона смуты», как Ван Ман, в государственные дела. Ван Ман уже накопил богатств больше, чем было в казне, и держал в руках армию. Ван Чжэнцзюнь потеряла свою ценность, а самое печальное было то, что императорский род все еще считал Ван Мана верным слугой, не замечая, что внутри и снаружи назрела беда и власть уже ускользает из рук.

— Нужно вырывать сорняк, пока он не пробился сквозь землю. Лю Синь всегда был как заноза в моем сердце. Нам незачем тратить на него время: пятнадцатое число — идеальное время, место и обстоятельства.

Ван Ман немного помолчал и достал свиток, передав его Дун Сяню:

— В нем все подробно расписано, запомни и уничтожь. Императрица-мать уже арендовала драконью ладью на реке Вэйхэ. У этого приглашения есть и скрытые цели, будь осторожен, чтобы она сама не переиграла тебя. На корабле у тебя будут люди, которые помогут. Сделай так, чтобы эта посуда навсегда осталась на дне Вэйхэ!

Дун Сянь кивнул и взял свиток. Глаза Ван Мана, бездонные и ослепительные, внезапно сверкнули.

— Дело чрезвычайной важности, есть ли что-то, что тебе непонятно?

Дун Сянь покачал головой:

— Пока нет, я буду действовать по обстоятельствам.

— Хорошо! — Ван Ман легко похлопал его по плечу, и в уголках его губ заиграла едва заметная холодная усмешка. — А как ты убил наложницу Бай Жун?

— С помощью Чжао Фэйянь, — гордо ответил Ван Ман. — Разве можно позволить жить женщинам, которые носят во чреве наследников Лю Ао?

Дун Сянь почувствовал горечь. Теперь, когда Лю Ао стал бесплодным, радоваться ли за этих женщин в гареме или оплакивать их судьбу? Он спросил:

— А если Чжао Фэйянь зачнет от рода Лю, ты убьешь ее?

Вопрос прозвучал неожиданно. Ван Ман повернул голову:

— Я дам ей родить. Мне нужны жизни потомков рода Лю!

Оказывается, были на свете люди, способные уцелеть под рукой Ван Мана. В сердце Дун Сяня промелькнула необъяснимая радость, словно он нашел выход из тупика, и он спросил:

— Почему бы тебе не убить ее сразу?

— Чжао Фэйянь — самая любимая женщина Лю Ао. Если убить ее слишком просто, разве это будет интересно?

Дун Сянь вдруг ощутил себя таким наивным и смешным. Давно следовало понять, что Ван Ман не похож на него, что он не знает колебаний.

Холодный голос вновь прозвучал в тишине:

— Веди меня к Лю Синю.

— Сейчас он должен упражняться с мечом в саду, пойдемте.

Лю Синь легко взмахнул мечом, его тело двигалось подобно ласточке. В дворце мало кто знал, что он с детства изучал боевые искусства и владел прочной базой. Сейчас он практиковал «Метод Меча Двух И», переписанный Дун Сянем.

До сих пор Дун Сянь так и не дал прямого ответа на вопрос, владеет ли он сам боевыми искусствами. Хотя оба все понимали, между ними все еще оставалась невидимая стена.

Лю Синь вздохнул, его стройная фигура взмыла в воздух, меч с тихим свистом рассек листву — движение было таким гибким, словно в руке у него был кнут, а сбитые листья падали на землю уже разрезанными надвое.

Сзади раздались хлопки в ладоши. Лю Синь обернулся и увидел комбинацию людей, которую меньше всего желал встретить.

— Этот Метод Меча Двух И исполнен поистине великолепно! — Ван Ман поднял с земли разрезанный пополам лист. — Какой наставник обучает Его Высочество такому искусству?

Дун Сянь, стоявший рядом с Ван Маном, отозвался:

— О, это лишь записанные мной наставления. Принц Синь невероятно проницателен, он схватывает все на лету, а истинную суть меча он постиг сам.

— Вот как, господин Дун, — улыбнулся Ван Ман. — Выдающиеся способности достойны похвалы, но без ваших записей прогресс не был бы столь стремительным.

Дун Сянь и Ван Ман — оба зрелые, оба утонченные, оба непостижимые... Казалось, они идеально подходили друг другу. Крепко сжав рукоять меча, Лю Синь выслушал их взаимные любезности и сказал Ван Ману:

— Дядюшка, племянник хотел бы сразиться с вами в фехтовании, как вы на это смотрите?

Увидев, что Ван Ман замер, он добавил:

— Искусствам надо учиться у наставника, но господин Дун уже утратил свои способности. Сегодняшний визит дядюшки — отличная возможность показать, чего я достиг.

Ван Ман рассмеялся:

— Что ж, раз так, грех отказываться. — С этими словами он сбросил золотистый плащ.

Лю Синь приказал принести Ван Ману длинный меч. Дун Сянь молча стоял в стороне. У Лю Синя всегда было много планов, и вызвав дядю на бой, он преследовал свою цель. Тонкое

лезвие сверкало на утреннем солнце. Дружелюбие Ван Мана в мгновение ока сменилось остротой клинка, а напротив него стояло полное юношеского задора лицо.

— Решим спор с помощью Меча Двух И, — сказал Ван Ман, — до первого касания.

— Как пожелаете, дядюшка.

Как только слова слетели с уст Лю Синя, скрестились клинки, и в воздух ударила яростная энергия. Дун Сянь лишь увидел вспышку — и когда сфокусировал взгляд, то понял, что на земле под их ногами само собой возникло построение «Двух И».

«Две И» рождают четыре символа, а четыре символа рождают восемь триграмм. Если противники и наблюдатели не достигли как минимум пятого уровня мастерства, они даже не почувствовали бы это построение. Дун Сянь передал Лю Синю наставления всего полмесяца назад, и он не мог не поразиться его прогрессу: принц уже освоил пятый уровень.

В саду бушевал вихрь мечей. Лю Синь собрал энергию в нижнем даньтяне и нанес горизонтальный удар. Ван Ман уклонился, взмыв в воздух. Его внутренняя сила была огромна, и звук его голоса разнесся по всем уголкам сада:

— Метод Двух И побеждает твердость мягкостью, помни, нельзя спешить! — Лю Синь бросился в погоню.

В полете Ван Ман, легкий как пушинка, резко развернулся и рубанул по ветвям деревьев. В тот же миг с неба посыпался «желтый дождь» из сухих листьев. Листья были не простыми: проносясь мимо лица Лю Синя, они оставляли на нем кровавые порезы. Лю Синь беззвучно выровнял дыхание, концентрируя энергию в животе и направляя все помыслы в кончик клинка.

Раздался грохот, и листья превратились в пыль. Противники приземлились, скрестив клинки, словно искры огня. Меч Лю Синя был гибким, словно кнут. В пылу боя Ван Ман усмехнулся:

— Твой меч и тверд, и мягок, в нем есть нечто от техники кнута. — В процессе разговора он взмахнул клинком, прошелся по волосам Лю Синя и нацелился ему в горло.

Лю Синь слегка усмехнулся, сделал обводное движение, и кончик его меча уперся Ван Ману в правое запястье.

— Дядюшка, если я нанесу этот удар, все ваше искусство превратится в прах. — Юношеское высокомерие всегда было роковой слабостью.

Ван Ман промолчал. Разве можно говорить о победе, пока бой не закончен? С холодной улыбкой на губах он внезапно отвел руку и отступил.

Лю Синь сменил направление меча и последовал за ним. Казалось, острие должно было коснуться цели, как вдруг фигура Ван Мана дрогнула, он переместился — и прямо перед собой Лю Синь увидел знакомые белые одежды. Он резко остановил клинок, но было слишком

поздно. Он с ужасом смотрел, как его собственный меч пронзает левое плечо Дун Сяня. Звук разрываемой плоти отозвался в его собственном сердце, словно рана была нанесена ему самому. Меч стал проводником, соединившим их сердца, и биение пульса передавалось по лезвию с пугающей четкостью.

— У-у... — Дун Сянь прикусил губу, сдерживая стон от пронзившей его боли. Инстинктивно он потянулся рукой к мечу, застрявшему в плече.

— Не трогай меч! Пальцы отрежешь! — взревел Лю Синь и резким движением руки вырвал клинок. Брызнула горячая алая кровь, и Дун Сянь рухнул на землю.

— Скорее прижми акупунктурные точки, чтобы остановить кровь! — Лю Синь застыл, не в силах сдвинуться, и Ван Ман поспешно подошел, быстро перекрыл кровоток и покачал головой: — Все из-за меня, я слишком резко увернулся, не дав тебе разглядеть, что впереди.

Лю Синь сжал зубы. Он ненавидел Ван Мана за его жестокость — тот не пощадил даже преданного слугу — и ненавидел себя за то, что глупо попался в его ловушку. Еще больше его злило то, что Дун Сянь мог увернуться, но стоял не шелохнувшись.

Лю Синь пристально смотрел в бледнеющее лицо. К счастью, рана в плече. Будь она на пару дюймов ниже, меч пронзил бы сердце. Ты что, и тогда остался бы бесстрастным?

Ван Ман по глубине кровавого следа на лезвии прикинул:

— Хорошо, жилы и кости не задеты. Позовите лекаря.

— Не стоит беспокоить дядюшку. Господин Дун ранен, я не могу проводить вас.

Вежливое требование уйти было встречено многозначительной улыбкой Ван Мана. Лю Синь не обратил на него внимания, подхватил Дун Сяня на руки и, не оглядываясь, покинул сад. Слуги поспешили накинуть на плечи Ван Мана плащ, и никто не заметил торжествующего блеска в его глазах.

Вернувшись в спальню, Лю Синь уложил Дун Сяня на ложе и холодно произнес:

— Тебе достаточно было сделать полшага в сторону, чтобы увернуться. Почему ты не отошел?

Лежавший на постели человек тяжело дышал, но молчал.

— Ван Ман ушел, можешь больше не играть, — продолжал Лю Синь. — Насколько глубоко вошел меч, я знаю лучше тебя.

Теперь обмануть Лю Синя становилось все сложнее. Прижимая руку к ране, Дун Сянь ответил:

— Этот удар я принял ради него добровольно, считай, что вернул долг.

Подразумевалось, что после этого удара их прежние долги аннулированы. Лю Синь вздохнул, подошел и, разорвав одежду на плече, принялся осторожно обрабатывать рану.

— Ты освоил Метод Меча Двух И до пятого уровня? Я видел, как ты парировал многие выпады Ван Мана, — Лю Синь нахмурился. — Хорошо, что только до пятого. Будь уровень выше, сегодня ты бы расстался с жизнью.

<http://bllate.org/book/21155/2144388>